

С. Н. СОКОЛОВ,
кандидат филологических наук

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «УБЕЖИЩА МОНРЕПО»
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

Взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина на роль сатиры являются большим вкладом в теорию художественного творчества.

В рецензии на сборник сатир и песен Д. Д. Минаева Щедрин резко критиковал современную ему сатиру, которая, не имея никаких идеалов, ограничивалась «камелийно-панталонно-колониальной» тематикой и мишенью для своих стрел избрала «так называемые петербургские нравы», которых в «Петербурге... никогда не было, а есть и было отсутствие нравов». Сатира, по мнению Щедрина, не достигнет цели, если предметом ее обличения будут ничтожные личности с их поступками и общественные курьезы, странности, не имеющие ничего общего с действительным ходом истории. Исходной точкой для сатиры должны быть те социальные условия, которые обрекли народные массы на нищенское существование. «Таким образом, оказывается,—говорит Щедрин,—что единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова. Чем далее проникает сатирик в глубины этой жизни, тем весче становится его слово, тем яснее рисуется его задача, тем неоспоримее выступает наружу значение его деятельности». ¹⁾

Избрав формой своей литературной деятельности сатиру, Щедрин свято следовал прогрессивным взглядам на задачи литературы и писателя, развивал и обогащал великое сатирическое наследие, оставленное Гоголем, предельно насыщая острой политической мыслью гоголевские сатирические мотивы.

Щедринская сатира была откровенно политической, острие ее не направлялось против отдельных личностей, не служило целям исправления нравов, а беспощадно поражало самые осно-

¹⁾ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков) о литературе ГИХЛ. М., 1952, стр. 408.

вы эксплуататорского строя, общественную психологию дворянско-буржуазного общества. «Я никого не бью по щекам,— писал сатирик в «Круглом годе», — хотя некоторые «критики» и уверяют, что я только этим и занимаюсь. Моя резкость имеет в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой и заключается источник всех зол, угнетающих человечество».

Важнейшей особенностью сатирической манеры Щедрина был его смех, язвительный и злой, обличительный и убийственно бичующий, негодующий и грозный.

Источником щедринского смеха являлся гиперболизм. Преувеличивая жизненные факты, явления, обобщенные в художественных образах, Щедрин однако был далек от того, чтобы развлекать читателя, забавлять его. Гиперболизм писателя был средством, которое помогало ему с позиций революционного демократа и подлинного реалиста глубже рисовать действительность, «оглушительно-правдиво» и «пророчески», как говорит Горький, «хохотать над всеми и всем». Неустанно разоблачая своих критиков за нападки на его смех, возбуждаемый будто бы ради смеха, Щедрин писал А. Н. Пыпину (2 апреля 1871 г.), что он может «каждое свое сочинение объяснить, против чего оно направлено, и доказать, что оно именно направлено против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят... Изображая жизнь, находящуюся под игмом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства,—отнюдь не веселонравия». ²⁾

* * *

Изложенные вкратце общие положения о Щедрине-сатирике можно проиллюстрировать на анализе художественных особенностей одного из его замечательных произведений — романе «Убежище Монрепо», в котором нашли свое отражение острые, переломные моменты отечественной истории конца 70-х годов прошлого века.

В противоположность народникам Щедрин увидел распад помещичьего хозяйства, интеллектуальное вырождение дворянской интеллигенции и развитие буржуазных отношений, наступление в России «мироедского периода». Писатель подходил к изображению действительности как художник-диалектик, понимающий закономерность смены одних жизненных явлений другими. «Столпы» дворянско-буржуазного общества с их низменными инстинктами и проповедью незыблемости частной собственности, семьи и государства обречены, по Щедрину, историей,

²⁾ Н. Щедрин (Салтыков М. Е.). Полн. собр. соч., т. 10-й, ГИЗ, М. 1937, стр. 234—235.

как обрекается все старое, косное, отжившее свой век. И если «столпы» еще чувствуют под собой твердую почву, то главная причина тому—бессознательность значительной части народных масс, нуждающихся в пробуждении.

Щедрин верил в народ, в его творческие, революционные силы. Он понимал, что не прогореловы и разуваевы, а народ творит историю, и что именно он, народ, должен расправиться со «столпами», вырвать у Разуваева «кус». Народность и историзм щедринских позиций в «Убежище Монрепо» вооружили писателя силой предвидения, и его знаменитое предсказание — «изноет и мироедский период»—является тому свидетельством.

Великий сатирик мечтал в романе о том, чтобы его Родина двигалась не «старою и горькою колеей», а шла вперед «новым радостным порядком». Его мечта сбылась. Советский народ под руководством Коммунистической партии, взяв власть в свои руки, твердой поступью идет по пути строительства новой жизни, к своей заветной цели—коммунизму, наша Родина превратилась в надежду и оплот прогрессивного человечества.

Творения Щедрина, и среди них «Убежище Монрепо», и сейчас верно служат советскому народу. Роман учит борьбе против беспринципности и неуверенности, трусости и подлого страха, пустомыслия, подхалимства и других отвратительных пороков, оставшихся еще в сознании отдельных людей как пережитки капиталистического строя.

«Убежище Монрепо» было создано восемьдесят лет тому назад, оно выдержало испытание временем. И если в нашей стране не стало прогореловых, разуваевых и грациановых, выброшенных за борт историей, то пока еще не «изныл» «мироедский период» в странах капитала, где «столпы» и «устои» сохранились во всей своей эксплуататорской сущности. Щедринская «праздношатающаяся тля», которая в каждом углу сосала и разоряла, живо напоминает современных бизнесменов капиталистического мира. Доллар, франк, фунт стерлингов подавляют благородные качества личности, отношение кучки капиталистов к массе трудящихся определяется разуваевским девизом «йён доста-а-нит», а потуги спасти «изнывающий» буржуазный строй воплощаются в ложно пафосном кличе: «звон победы, раздавайся!». А действия американского ФБР (бюро по расследованию антиамериканской деятельности)? Разве они не родственны действиям Грацианова по выскиванию неблагонадежных и неблагонамеренных? Разве грациановское «отсекание» «вредных» членов общества не унаследовано нынешними реакционерами, пытающимися «отсекать» в современном развитии общества все прогрессивное и передовое?

Таким образом, «Убежище Монрепо» не только не потеряло своей обличительной силы и наступательного духа, а, наоборот,

в новых исторических условиях является тем благотворным средством в духовной жизни народов, которое помогает бдительно следить за всеми происками «столпов» капитализма.

Роман Щедрина сыграл огромную роль в свое время, а его неувядающая актуальность в наши дни служит лишним доказательством того, что он является подлинным произведением искусства, которое учит жить и бороться со всем отжившим, сдерживающим развитие человечества.

Созданные Щедриным образы, типы и типические ситуации свидетельствуют об огромном профессиональном мастерстве писателя, его талантливости, трудолюбии, требовательности к каждому своему слову. Принципы типизации, тщательный отбор художественных средств, неистощимая эзоповская изобретательность, сообщающие языку романа богатство и образность, своеобразные приемы изобразительности, новые формы композиции, авторское вмешательство в развитие сюжета—все эти и многие другие краски на палитре гениального писателя подтверждают отношение Щедрина к литературе как к важнейшему виду искусства.

Именно высокими художественными достоинствами романа можно объяснить, что его внимательно читали К. Маркс, сделавший замечания на полях книги, и В. И. Ленин, использовавший образы и отдельные выражения произведения в своих сочинениях.

* * *

Центральное место в «Убежище Монрепо» отведено «культурному человеку» — помещику средней руки Прогорелову, в образе которого Щедрин подверг политическому анализу многие злободневные вопросы и актуальные проблемы, связанные с положением дворян-помещиков в пореформенный период.

Судьбой «культурных людей» писатель заинтересовался не впервые. Еще в 1876 году в письме Некрасову он обещал написать о вырождающемся радикале и выполнил это обещание, создав хронику «Культурные люди». Героем хроники является провинциальный помещик Прокоп Лизоблюд — человек трусливый и невежественный, вечно лебезящий перед властью имущими и в то же время считающий мужика низшим существом. Наиболее близкая к «Убежищу Монрепо» тема «культурных людей» разрабатывалась Щедриным в «Дворянских мелодиях» и «Дворянской хандре». В этих трех произведениях «культурный человек» представлен нарицательным типом среднего помещика, потерявшего усвоенные в свое время идеалы 40-х годов и уже в 70-х годах потерявшего под собой всякую почву, способного лишь трусливо негодовать по поводу личных и общественных невзгод, от которых он пытается укрыться в своем Монрепо.

Какими же художественными принципами руководствовался Щедрин и какие использовал приемы, создавая тип «культурного человека»?

В своей книге «Стиль Щедрина» Я. Е. Эльсберг сформулировал три признака, которые, по его мнению, «являются наиболее характерными для щедринских типов с точки зрения методов их создания: 1) резкая сатирическая и бытовая очерченность их; внутренняя сущность типов ярко передается конкретными внешними средствами; 2) непосредственное обобщение этими типами поведения, свойств и черт больших социально-политических групп, подчеркивание нарицательного значения данного типа; 3) историзм, выяснение исторических корней и связей, приведших к образованию того или иного типа».

Вряд ли Я. Е. Эльсберг намеревался сделать сформулированные три признака всеобъемлющими, всесторонне характеризующими щедринские принципы типизации. Не может относиться, например, первый признак к созданию Щедриным типа «культурного человека». Как раз внешних данных, характеризующих «культурного человека», сатирик не дает в «Убежище Монрепо», если не считать указания на возраст (отживающий), физическое состояние (больной) — кабатчик Прохоров оказался вчетверо сильнее его, а также фамилию «Прогорелов», подчеркивающую индивидуализацию образа и одновременно усиливающую его собирательность и нарицательность.

О том, что представляет из себя «культурный человек», мы узнаем в первой главе из уст самого Щедрина. Он так и пишет: «Займемся разрешением вопроса: что такое культурный человек и чего, собственно, он может ожидать от деревни?».

«Культурный человек вообще есть личность, в значительной степени пользующаяся досугом, имеющая более или менее отчетливые представления о комфорте и жизненных удобствах, охотно делающая экскурсию в область эстетики и спекулятивного мышления, но очень редко обладающая прикладными знаниями, го есть тем именно орудием, которое более всего необходимо, чтоб быть деятелем-землевладельцем... Не полеводство нужно культурному человеку, а общий вид полей... отсутствие волнений, беззаботность. Не труда ищет он в сельском убежище, а безмятежного, растительного существования...».

В приведенной авторской характеристике сконцентрированы различные отрицательные особенности и черты, присущие положению и внутреннему миру «культурного человека». Щедрин обобщил в его образе итоги своих наблюдений над жизнью «культурных» дворян-помещиков в пореформенный период.

В последующих главах писатель как бы устраняется от непосредственной характеристики образов и прибегает к приему самораскрытия героев. «Культурный человек» саморазоблачается, раскрывает свою психологию, обуславливающую линию его поведения при столкновении с другими действующими лицами произведения и в определенной обстановке. Постепенно некоторые общие положения авторской характеристики конкретизируются, выявляются новые черты психологии, ярче становятся отрицательные стороны характера. Так, считая «крамолой» свои прежние увлечения Грановским и Белинским, «культурный человек» в животном страхе за свою шкуру поддакивает во всем становому, угодничает и лебезит перед ним, укротив свою барскую спесь; презирая кабатчиков, он в то же время подлаживается к ним; бесцельно и бессильно «фрондирует», «артачится», когда сложившаяся обстановка вынуждает его продать имение; оставаясь наедине с самим собою, он сетует, мечется, тоскует и, как Иудушка, лицемерит и предается пустомыслию; чувствуя свою обреченность, фальшиво вопит о том, что он скверный и гадкий и что «чумазый» не должен идти по его стопам.

Для сатирического заострения и индивидуализации образа Щедрин прибегает к гиперболе. Он преувеличивает основные черты характера «культурного человека» и это дает ему возможность с наибольшей силой подчеркнуть реалистичность образа. Так, когда было выяснено, что становой станет пресекать «крамолу», не ожидая поступков, а читая в сердцах (т. е. шпионя), Щедрин доводит до гротеска прогореловские переживания по этому поводу, высмеивая не только содержание, но и «высокую» патетическую форму, облакающую холопское усердие «культурного человека». *«Тогда произошло во мне нечто чудное и торжественное,—самораскрывается перепуганный барин, установив, что становой будет читать в сердцах;—я вдруг почувствовал, что все мое существо сладко заволновалось! Я не скажу, чтобы это было раскаяние—нет не оно!—а скорее всего какое-то безграничное, неуправляемое, почти детское доверие. Приди и виждь!—В таком случае, позвольте мне предъявить вам (становому—С. С.) мое сердце!—воскликнул я, устремляясь вперед и чуть не захлебываясь от наплыва чувств».*

Бесспорно сатирически преувеличенным следует считать и поведение «культурного человека» после речи Грацианова. Желая излить свои верноподданнические чувства, «культурный человек» в компании кабатчиков и «батюшки», взявшись с ними за руки, три раза прошелся взад и вперед по селу и кричал «ура!». Но и это преувеличение морального падения барина только сильнее подчеркивает существо образа, индивидуализирует ведущую черту, которая характеризует политическое единство внешне

«фрондирующего» помещика с новыми «столпами» и их приспешниками.

Нелепостью кажется на первый взгляд поступок «культурного человека», подарившего корове «Умнице» годовой комплект журнала «Домашняя беседа». Но когда мы узнаем, что «Домашняя беседа»—реакционнейший журнал, то не можем не согласиться, что для других целей это издание отнюдь не пригодно.

Особенно заметна необычность для реальной жизни взаимоотношений «культурного человека» и станового, когда последний буквально издевается над дворянином-помещиком и, убедившись в его благонадежности, осмеливается даже поцеловать его. Как справедливо указывает Я. Эльсберг, «глубокий реализм этих сцен не в их внешней бытовой достоверности, а в соответствии самой сути политической жизни тех лет. Близость, установившаяся между Грациановым и владельцем Монрепо, отражает сущность политических отношений между полицейским аппаратом царизма и «культурными людьми»—помещиками». ³⁾

Из сказанного видно, что сатирическое преувеличение бытовой ситуации, состояние исключительности, в котором раскрыты типические черты персонажа, служили Щедрина средствами, при помощи которых он достигал большего реалистического результата.

Историческая обреченность «культурного человека» подчеркивается обстановкой—изображением разваливающегося хозяйства, запустевшей, приходящей в разрушение всей усадьбы в целом. «Очень уж там глухо и непривольно. Во-первых, пусто, потому что домашний персонал имеется только самый необходимый: во-вторых, неудовлетворительно по части питья и еды, потому что полезные домашние животные упразднены, дикие, вследствие истребления лесов, эмигрировали, караси в пруде выловлены, да и хорошего печеного хлеба, пожалуй, нельзя достать; в-третьих, плохо по части газетной пищи...; в-четвертых, не особенно весело и по части соседей, ибо ежели таковые и есть, то разносолов у них не полагается, да и ездить по соседям, признаться, не в чем, т. к. каретные сараи опустели, а бывшие заводские жеребцы перевелись...»

Не менее мрачны картины природы, являющиеся фоном, на котором происходит «умирание» «культурного человека». «В Монрепо нет ни работы, ни разгула, ни друзей, ни любопытных... Ничто не шелохнется кругом, ни один звук не помешает естественному потуханию. Особливо зимой. Монрепо, потонувшее в сугробах снега,—да это земной рай!

³⁾ Я. Эльсберг. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. ГИХЛ, М., 1953, стр. 245.

Природа оцепенела; дом со всех сторон сторожит сад, погруженный в непробудный сон..»

«Внутри дома царила пустота, тишина и одиночество. Вне дома—то же одиночество и та же пустота. По временам парк заволакивался, словно сетью, падающими хлопьями снега; по временам деревья как бы сбрасывали с себя иго оцепенения и, колеблемые ветром, оживали и шевелились; по временам из лесной чащи доносился грозный гул. Но и взор и слух скоро привыкали и к этим картинам, и к этим звукам. Зимняя природа даже в гневе безоружна, разумеется, для тех, которых нужда не выгоняет из теплой комнаты».

Даже весенние пейзажи даны в соответствии с настроением «культурного человека», выживаемого из имения Разуваевым «В первых числах марта в мое сердце начали вкрадываться смутные опасения,—жалуется он.— Прилетели грачи и наполнили парк гамом; почернела дорога».

Прошло немало времени, а «культурный человек» все еще «уныло бродил по комнатам и от времени до времени посматривал в окно, словно желая удостовериться: все ли стоит на старом месте и не бежало ли к Разуваеву? Март подходил к концу: время стояло хмурое, хотя в воздухе все-таки чуялась близость весны. Деревья в парке стояли обнаженные, мокрые; на цветнике, перед домом, снег посинел и, весь источенный, долеживал последний срок; дорожки по местам пестрели желтыми пятнами...»

Закончив работу над созданием типа помещика, Щедрин присвоил ему «титул» «пропащего человека» и объяснил читателю исторические причины подобного явления.

В главе «Предостережение» эти причины излагаются устами самого «пропащего человека»—помещика Прогорелова.

«Когда я был столпом, то так же, как и ты, Разуваев, ровно ничего не понимал. Для меня это было еще постыднее, потому что я грамотен. Грановского слушал, Белинского читал, восторгался, трепетал от умиления и, представь себе, все эти восторги и умиления я словно во сне или в фантастическом представлении проделывал! Отслушаешь, бывало, Грановского, а через час, как ни в чем не бывало, думаешь: а что, кабы у меня кто душу (крепостную—С. С.) купил. Я без умолку болтал о любви к отечеству и в минуту опасности жертвовал на алтарь отечества чужие тела; я требовал, чтоб отечественный культ был объявлен обязательным, но лично навстречу врагу не шел, а нанимал за себя пропойца. И в довершение всего я снабжал пожертвованных и нанятых мною «зашитников» сапогами на картонных подошвах и, прося у бога побед и одолений, нимало не думал о том, далеко ли уйдут на картонных подошвах мои ратнички... и вот за это теперь—я пропащий человек.

Я говорил себе: отечество — святыня! Но ежели мое личное процветание не поставлено в прямую зависимость от процветания отечества, то пускай оно останется святыней, а я буду процветать особо. Я срывал цветы удовольствия, а соотечественники мои унывали; я праздновал, а соотечественники мои были изъять от награды... *и вот за это теперь—я пропащий человек.*

Я убедился..., что, в сущности, для меня даже выгоднее не совать носа, потому что тогда и в мою мурию никто носа не сунет. И, заручившись этою столповой мудростью, я ни за себя, ни за других—ни за кого пальцем не шевельнул. *И вот за это теперь—я пропащий человек.* (Во всех случаях подчеркнуто мной—С. С.).

Таким образом, Щедрин вскрыл исторические корни, взрастившие и сформировавшие психологию целой социальной группы, представителем которой в данном случае был «культурный человек». Мало того, подчеркивая социальную обреченность прогоревших помещиков, Щедрин прямо заявляет, что «история назад не возвращается, что даже гнусное не повторяется в ней в одних и тех же формах, оно или развивается в формы гнуснейшие, или навсегда прекращается и что, стало быть, Прогореловым — как бы они ни вопияли — повторяться в прежних формах (в новых они сами не выдержат) не суждено».

К способам создания типов Разуваева и Грацианова вполне применим совершенно справедливый вывод Я. Е. Эльсберга о том, что «Щедрин характеризует создаваемые им типы резкими, бытово-конкретными, внешне-зримыми средствами. Внешний облик, повадки, жесты, манера говорить действующих лиц выступают отчетливо перед читателем. Этими внешними средствами выражается внутренняя сущность изображаемого типа». ⁴⁾

Создавая образы Разуваева и Грацианова, Щедрин с огромным художественным мастерством и политической зрелостью отразил происходившие социально-исторические события, какими являлись развитие в России капиталистических отношений, усиление самодержавной реакции и «новые» средства борьбы с революционным движением.

Характеристика Разуваева начинается во второй главе, где «культурный человек» размышляет по поводу своего непрочного положения: «И уже, наверное, всякому думалось: вот кабы на место этого расслабленного да поселился в Монрепо лихой купчина Разуваев... то-то бы веселье у нас пошло».

Это было только упоминание о Разуваеве. Основная сатирическая характеристика типа начинается с показа его повадок,

⁴⁾ Я. Эльсберг. Стиль Щедрина, ГИХЛ, М., 1940, стр. 230.

хулиганских выходов против обитателя Монрепо с целью выживания его из имени (совместные с Грациановым скачки на тройке мимо дома с гамом, свистом и диким гиканьем, клеветническое обвинение барина в сожителстве с 60-летней Матреной и т. д.). Описав затем его кулацко-торгашеские операции, от которых стонала вся округа, Щедрин для контраста облачает хищническую сущность Разуваева в приятную внешнюю оболочку и наделяет его веселым «простецким» нравом. Портрет Разуваева, как и все содержание его образа, дается сатириком в динамике. В последней главе читатель узнает от автора, что из красивого, «в поре» мужика Разуваев превратился в безвременно оплывшего, пьянствующего, буйного и бесшабашного человека, т. е. человека, отягченного пороками, присущими всем «чумазым». Благодаря приему контраста и изображения типа в развитии, хищник-буржуа встает перед читателем как живой.

Щедрин этим не ограничивается. Для того, чтобы обнажить корни происхождения Разуваевых, он отступает от сюжета и рассказывает историю обогащения Егорки Груздева, а затем говорит, что «хотя Разуваев еще мелко плавал, но уже был, так сказать, на линии Груздевых. По крайней мере, идея грабежа была уже вполне им усвоена».

В последней главе, после того, как тип Разуваева окончательно сформировывается, Щедрин дает ему нарицательную кличку «чумазый» и делает сатирически-образный, обобщающий вывод о развитии капитализма в России. Устами Прогорелова в «Убежище Монрепо» говорится: «Улица ликует, дома терпимости прихорашиваются, половые и гарсоны в трактирах и ресторанах в ожидании млеют, даже стерляди в трактирных бассейнах— и те резвее играют в воде, словно говорят: слава богу! кажется, скоро начнут есть и нас! По всей веселой Руси, от Мещанской до Кунавина включительно, раздается один клич: идет чумазый! идет и на вопрос: что есть истина? твердо и неукоснительно ответит: распивочно и на вынос!».

Важно отметить, что этот вывод Щедрина соответствовал подлинным историческим процессам, содержал изображение типической обстановки, в которой началось победное шествие «чумазых». Это шествие, по Щедрину, не вечно. В образе Разуваева подчеркнуты не только черты, обозначающие тенденцию развития и временной победы «чумазого», для которого истина представляет из себя только «распивочно и на вынос»; Щедрин выделил и те черты, которые заключают в себе зародыш загнивания, разложения и будущей гибели новоявленных «столпов», что, в частности, отображено в портретной характеристике Разуваева.

Разуваевы «столпуют» в новой исторической эпохе, когда с глаз «мелкоты» начала спадать пелена бессознательности, когда

растут ряды могильщиков буржуазии, которые, как пророчески предсказывает Шедрин, вырвут у Разуваева подносимый им ко рту кус, а его произведут в пропащие люди.

К восприятию образа станового автор романа готовит читателя уже в первой главе, при этом несколько иным способом по сравнению с подготовкой к восприятию образа Разуваева, создавая который он шел от развернутой характеристики к обобщающим выводам общественно-политического характера.

Объясняется это конкретно-историческим подходом писателя к изображению действительности, историзмом, являющимся важнейшей особенностью творческого метода Шедрина.

Разуваевы только что стали появляться на исторической арене, и надо было объяснять причины их появления, рассмотреть процессы развития «мироедского периода» с тем, чтобы сделать художественно-публицистический вывод о его последующей судьбе. Грацианов же, олицетворяющий самодержавную реакцию, был для своего времени обычным явлением, и новые формы самодержавного произвола, воплощенные в его образе, были лишь проявлением новой тактики самодержавия в его планах расправы с революционным движением.

Фразой «само собой разумеется, что здесь выражение «становой» употреблено не в буквальном смысле». Шедрин сразу дает понять читателю, что далее речь пойдет не об образе мыслей и поступках лично станового Грацианова, а об общественной психологии и действиях, присущих всей правящей верхушке самодержавного государства.

Последующая исключительно острая характеристика типа станового дает ясное представление о том, на кого опирается, чем живет и дышит самодержавие, какими способами и мерами оно собирается «отсекать» «вредных» членов общества, что из себя представляет его «топительная» программа.

«Новые» меры борьбы с «крамолой» блестяще воплощены в одном слове—«сердцеведение» и той новизне, какую представляют из себя не только поступки, но даже и внешний облик станового-сердцевода. Противопоставляя Грацианова прежнему становому—невежде, пьянчуге и куроцапу, Шедрин показывает его как не лишенного известной интеллигентности и образованности человека, напомаженного и прилизанного, с претензией на изящество. Этот внешний контраст потребовался сатирику для того, чтобы реализовать в образе политическую мысль и подчеркнуть внутреннее единство куроцапа и сердцевода, показать, что при новой тактике реакционная сущность «верхов» осталась без изменений.

Среди многообразных средств типизации видное место занимает смех Шедрина, основой которого было стремление сатири-

чески преувеличить ведущие, доминирующие черты создаваемого типа, внести в него элементы исключительности.

Так, в критике сатириком низкого уровня сознания «серого человека», на которого пока еще магически действуют обещание «на водку» и пригоршни гривенников, бросаемых барином «в толпу разъяренных баб», слышится горький смех, проникнутый глубоким сочувствием к забытым и обезличенным «серым людям».

Когда «культурный человек» с холуйским усердием предъясляет сердце становому, излагая свои «филантропии», мы слышим убийственную насмешку сатирика над словоблудием либерального дворянства, идеалы которого Щедрин ядовито воплотил в словах: «Хотя свобода есть драгоценнейший дар творца, но она может легко перейти в анархию, ежели не обставлена в настоящем уплатой оброков, а в будущем — взносом выкупных платежей. Эту мысль, — говорит «культурный человек», — я зарубил у себя на носу еще во время освобождения крестьян и, я помню, был даже готов принять за нее мученический венец».

Мы уже указывали, что в реальной жизни становой не взял бы на себя смелость так обращаться с барином, как это изображено в произведении, и к тому же целовать его. Здесь налицо элементы исключительности, сатирическое заострение бытовой ситуации. Подобный прием служил Щедрину средством высмеивания кажущейся оппозиции «культурного человека», его «фрондирования», т. к. все у него в конце концов свелось к примирению со становым, кабатчиками и к единству взглядов с «становой системой».

Щедрин сделал предметом посмешища «новшества», введенные «становой системой», в частности, ежемесячные съезды становых, на которых, кроме «обмена мыслей», «возбуждались и некоторые теоретические вопросы», а также речь станового, написанную исключительно густыми сатирическими красками. Бичующим сарказмом дышит характеристика «чумазого», который воображает себя «дирижирующим классом» и в то же время «пускает враскос глаза, высматривая, не лежит ли где плохо?».

Жестокому осмеянию подверглись слова и дела «батюшки». На словах он поучает «культурного человека», что «без бога нельзя. Прогневлять его не следует — вот что главное всего. А затем и самому необходимо заботу прилагать, дабы бог на наши благополучные труды благосердным оком взирал». На деле же сей пастырь, беседуя с барином, выполнял поручение Разуваева, пожелавшего завладеть именем «непременно за грош».

Грозный смех великого сатирика не оставил без внимания ни одного шага самодержавия и его представителей, изображенных в произведении, и, вытаскивая на свет божий их «кривые

рожи», явился могучим, действенным средством революционно-демократической пропаганды.

Создавая типы, Щедрин выступал от имени народа, осмысливал их исторически, вскрывая корни возникновения того или иного явления. Исторический подход к изображению действительности—важный признак щедринских принципов типизации. В «Убежище Монрепо» этот подход проявляется по двум линиям: по линии художественной, когда анализ показывает, что «типы Щедрина проникнуты глубоким и точным историзмом»,⁵⁾ и по линии философско-публицистической, когда сатирик непосредственно излагает на страницах произведения научно-художественные выводы.

Так, подводя итоги художественному изображению смены «столпов», Щедрин пишет в последней главе «Предостережение»: «Но да свершится. История имеет свои повороты, которые невозможно изменить, а тем менее устранить. Это, конечно, не слепой фатализм, перед которым не остается ничего другого, как преклониться, и не произвол, которому люди подчиняются, потому что за ним стоит целый поток темных сил; но все-таки это закон, и именно закон последовательного развития одних явлений из других. Явления приходят на арену истории как бы крадучись и почти не обнаруживая своей внутренней подготовки—вот почему они в большинстве случаев кажутся нам внезапными или произвольными. Но подготовка эта, несомненно, существовала, только мы, ошеломленные исконной репутацией несменяемости, которой пользовались явления предшествующие, проглядели ее».

Вывод Щедрина этим не заканчивается. Он был оптимистом в области истории и верил, что новое неодолимо, оно обязательно победит старое, косное, реакционное, что «когда жизнь вырабатывает *нового сорта утеху* (подчеркнуто мною—С. С.), тогда сам собою изноет и мироедский период».

Принципы и приемы создания Щедриным художественных образов свидетельствуют об их глубокой связи и взаимозависимости с идейным замыслом произведения, они помогли писателю вскрывать социально-психологическую и политическую сущность явлений действительности.

Все указанные художественные приемы и особенности сатиры Щедрина реализовывались средствами языка произведения.

Щедрин сыграл огромную роль в деле развития и обогащения русского литературного языка. Следуя великим традициям Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, заветам своих учителей и соратников Белинского, Чернышевского, Добролюбо-

⁵⁾ Я. Эльсберг. *Стиль Щедрина*. ГИХЛ, М., 1940, стр. 258.

ва, Щедрин создал язык, отличающийся огромной смысловой насыщенностью, язык яркий, образный и острый. Это был язык предшественников русской социал-демократии, черпавшей его из самых глубин народных масс, язык передовой русской литературы, боровшейся против самодержавия, о всемирном значении которой говорил В. И. Ленин.

Кратко, но верно охарактеризовал мастерство, высокие качества щедринского языка, указав его истоки и значение, Л. Н. Толстой. Он писал сатирику 3 декабря 1885 года: «У вас есть все, что нужно, — сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних..., и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа... Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто кроме вас». ⁶⁾

Язык Щедрина—это не простое копирование языковых норм великих предшественников и современников сатирика. Он был новатором в области художественного речетворчества, что и обусловило своеобразие его стиля.

Новаторство Щедрина не было явлением, возникшим на пустом месте. Оно отразило рост политического сознания передовой части русского общества, революционно-демократического мировоззрения самого писателя. Если же говорить о конкретных истоках щедринского новаторства, то их по крайней мере три: 1) форма и содержание сатиры Щедрина, требующие особых, отличных от обычной прозы, норм языка; 2) ярко выраженная *политическая* насыщенность его сатиры, что в свою очередь требовало большей остроты и разнообразия языковых средств; 3) «рабья» манера письма, эзоповский язык, изобретаемый Щедриным из-за цензурных гонений и весьма реальных возможностей попасть в «места не столь отдаленные».

Все эти истоки новаторства выступают в органическом единстве, но эзоповский язык составляет основную особенность многих произведений сатирика. Щедрин по этому поводу замечал: «Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, как будто поклялось стереть ее с лица земли. Но литература упорствовала в желании жить и потому прибегала к обманным средствам... С одной стороны, появились аллегории, с другой — искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками. Создалась особенная рабская манера писать, которая может быть названа эзоповскою,—манера, обнаружившая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок,

⁶⁾ «Литературное наследство», № 13—14. М., 1934. стр. 385.

иносказаний и прочих обманных средств. Цензурное ведомство скрежетало зубами, но... чувствовало себя бессильным и делало непрерывные по службе упущения». ⁷⁾

Сказанное в отношении некоторых основных особенностей языка Щедрина вообще целиком можно отнести и к «Убежищу Монрепо».

Писатель чрезвычайно внимательно, с большой требовательностью относился к языку произведения и именно поэтому достиг его высокого совершенства. Черновые и беловые автографы «Убежища Монрепо», борьба сатирика с цензурой за сохранение буквально каждого созданного им слова свидетельствуют о неутомимой и тщательной работе над языком, огромном мастерстве художника революционно-демократического лагеря.

Щедрин был образованнейшим человеком своего времени, обладавшим высокой эрудицией подлинного исследователя русской жизни. Писатель воплотил в авторской речи свое прекрасное знание действительности, разработал и затронул многие вопросы философии, экономики, политики, различных областей науки, искусства. Он блестяще охарактеризовал внутренний мир героев и общественную психологию различных социальных групп, нарисовал картины природы и сатирические портреты действующих лиц. В необходимых случаях сатирик прибегал к эзоповской манере письма, что делало авторскую речь еще ярче и оригинальнее.

Обращаясь к конкретному анализу речи автора, надо учитывать одно важное обстоятельство: в композиционной структуре «Убежища Монрепо» мы встречаемся с наличием двойного «я»: «я» — рассказчика и «я» — Щедрина. Рассказчиком выступает, главным образом, «культурный человек». Вместе с тем изложение некоторых мест произведения либо ведется непосредственно от имени «я» Щедрина, либо авторские мысли вкладываются в уста «культурного человека». Следует остерегаться поэтому отождествления автора с рассказчиком, тем более, что к этому имеются некоторые основания.

«Культурный человек» — прогоревший помещик — пытается протестовать против полицейского произвола и самоуправства кабатчиков. Он произносит гневные, обличительные речи, делает немало ядовитых намеков и критических замечаний в адрес властей, станového и «чумазого». «Культурный человек» сетует и в то же время «артачится», «фрондирует» и, бия себя жулаком в грудь, саморазоблачается, кается, обращаясь с фальшивыми

⁷⁾ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 15, ГИХЛ. М., 1936, стр. 340—341 («Недоконченные беседы»).

увещеваниями к «чумазому». Такая композиция образа «культурного человека» подчас и может натолкнуть читателя на мысль, что в ряде случаев рассказчик и Щедрин—одно и то же лицо. В действительности это лишь типичный для манеры Щедрина авторский прием, посредством которого он достигал двух целей: во-первых, раскрывал типические черты той неспособной ни к хозяйственной, ни к просветительной деятельности группы дворянской либеральной интеллигенции, которая в пореформенный период оскудевала экономически, вырождалась психологически и вместо того, чтобы противостоять растущей буржуазии, бессильно и беспредметно «фрондировала», уступая в конце концов место «чумазому»; во-вторых, вкладывая иногда свои мысли в уста «культурного человека» или излагая их в виде отступления от художественной ткани сюжета, Щедрин тем самым обходил цензуру, конспирировал свои оценки развивающихся в произведении событий.

Показательными в этом отношении являются те места произведения, где характеризуется реакция, поделившая людей на благонамеренных и неблагонамеренных, благонадежных и неблагонадежных с целью охраны «оспов», «краеугольных камней» и ликвидации «подкапываний» и «потрясаний».

Вот что говорит Щедрин устами «культурного человека» в «Убежище Монрепо»:

«По мере нашего социального и интеллектуального развития глаза наши все больше и больше раскрывались. И, наконец, раскрылись до того широко, что мы всю Россию поделили на два лагеря: в одном — благонамеренные и благонадежные, в другом — неблагонамеренные и неблагонадежные. А так как это деление последовало не на основании твердых фактических исследований, а просто явилось ответом на требование темперамента, взбудораженного преимущественно крестьянской реформой, то весьма естественно, что на первых же порах произошла путаница.

Наружных признаков, при помощи которых можно бы отличить благонамеренного от неблагонамеренного, нет; ожидать поступков — и мешкотно и скучно. А между тем взбудораженный темперамент не дает ни отдыха, ни срока и все подсказывает: ищи! Пришлось сказать себе, что в этой крайности имеется один только способ выйти из затруднения—это сердцеведение. Явился запрос на сердцеведение — явились и сердцеведы. Мало того, явились и помощники сердцеведов из числа охочих людей: публицисты, кабатчики, мелкие торгаши, старшины, писаря, церковники...»

Сатирической насыщенности содержания цитируемого отрывка Щедрин достиг в первую очередь эзоповским использованием лексических и фразеологических средств, обозначающих понятия, которые могли привлечь внимание цензуры. Так, «глаза наши все больше и больше раскрывались» можно истолковать как изменение тактики самодержавия в борьбе с неблагонамеренными и неблагонадежными, «ожидать поступков» — означает поступки, несовместимые с понятием благонамеренности, под «взбодороженным темпераментом» Щедрин подразумевал правящую клику царизма, требующую «искать» и с этой целью насаждающую «сердцеведов», т. е. шпионов, мастеров тайного сыска среди благонамеренных и неблагонадежных. Специфичность лексических средств выражается здесь в ее открыто политической тенденциозности, прорывающейся даже сквозь искусные эзоповские формы, примененные Щедриным во избежание столкновений с цензурой.

Ясно, что разоблачение реакции, охотящейся за благонамеренными путем «сердцеведения», никак нельзя выдать за образ мыслей либерального, пусть даже и «фрондирующего» помещика. В его уста вложены зашифрованные мысли писателя.

Многие места речи автора имеют высокую лирико-патетическую окраску. В книге «Стиль Щедрина» Я. Е. Эльсберг вполне обоснованно установил, что «патетический язык Щедрина, проникнутый красотой передовой мысли, был враждебен всякому официальному красноречию самодержавной империи».

И действительно, когда Щедрин говорит «Ах это отечество! По-настоящему ведь это нестерпимейшая сердечная боль!», то перед нами встает образ борца-патриота, беззаветно преданного своей стране. В то же время грозно звучит его восклицание. «Горе тому граду Горе той веси Горе той стране!..», где кабаки, публицисты и шайка шалопаев пытаются доказывать, что собственность, семья и государство священны.

Лирико-патетические элементы в авторской речи, «проникнутые красотой передовой мысли», звучат призывом к борьбе за счастье родины, придадут всему произведению оптимистический колорит.

Большую идейно-художественную роль играют в авторской речи народные и просторечные слова и выражения. Они употребляются Щедриным и в самостоятельном виде, и в сочетании с другими лексическими группами, и в виде пословиц, поговорок, изречений.

Борясь за народность языка, Щедрин объяснил в «Убежище Монрепо», почему он обращается не к клейменому (т. е. казенному, официальному), а к собственному «подоплечному», «ин-

тимно-обывательскому» (т. е. к народному, просторечному) словарю. Устами Прогорелова писатель говорит: «Я знаю, например, что независимо от клейменных русских словарей в нашей жизни выработался свой собственный подоплечный словарь, имеющий очень мало сходства с клейменым... Когда речь идет о выражениях еще не утвердившихся, новоявленных, каковы, например: интеллигенция, культура, дирижирующие классы и проч., то я положительно предпочитаю последний первым. Я инстинктивно чувствую, что клейменные словари фаталистически обречены на повторение задов. Но, по счастью, рядом с клейменными словарями существует толковый интимно-обывательский словарь, который проводит и отлично объясняет смысл даже таких выражений, перед которыми клейменный словарь стоит, уставясь лбом в стену. Вот к этому-то неизданному, но превосходнейшему словарю я всегда и обращаюсь, когда мне нужно вложить персты в язвы».

Развивая свою мысль, Щедрин сближает понятие народности родного языка с понятием об отечестве. Он пишет: «Представлению об отечестве соответствует представление о нравах и обычаях, об играх, песнях, плясках, о приметах и суевериях, о пословицах, поговорках, притчах и сказках и, наконец, о неклеяменном, но, несомненно, ходячем словаре».

Поскольку писатель предпочитает «ходячий словарь» словарю «клеяменному», авторская речь содержит немало слов и выражений народного, просторечного характера, используемых писателем главным образом в сатирических, обличительных целях. Особенно это заметно в характеристике «культурного человека». Говоря, например, о его неумении хозяйствовать, Щедрин пишет: «...у культурного человека хоть и целая уйма денег на руках, да он не знает, куда ее швырнуть. Ежели он бросит ее в отходную яму,—вырастут ли на дне ее розы?». Место «культурного человека», по мнению Щедрина,—в городе. Там, если «обойдут чином» — стоит только *пографить*, понижее поклониться, и чин придет своим чередом; получит *затрещину*... но что такое *затрещина* для человека, который, быть может, понятие о танцклассе смешивает с понятием об отечестве?».

Острые, меткие словечки просторечия использованы Щедриным и в сатирической характеристике буржуа. В частности, Егорка Груздев у него «просто» праздный, невежественный и притом ленивейший *забулдыга*, которому удалось уйти от каторги и *слопать* кишашне вокруг него массы «*рохлей*», «*ротозеев*», «*дураков*».

С теми же целями Щедрин употребляет пословицы и поговорки. Клеймя «культурных людей» за их безразличное отношение к такому позорному явлению, как спаивание простого народа в кабаках, писатель говорит: «*Изба моя с краю, ничего не знаю*» — успокоительнее этого девиза выдумать нельзя. Особенно,

ежели жить с умом, го можно даже деньги при помощи этого девиза нажить» В связи с появлением в соседних помещичьих усадьбах новых хозяев, имевших «шальную деньгу», рассказчик задумал расстаться со своим Монрепо, т. к. припомнил «старо-давние русские поговорки «неровен час», «береженого бог бережет», «плохо не клади», т. е. решил избежать судьбы своих соседей и не попадаться в лапы ловких дельцов, аферистов и хапуг

Приведенные примеры дают основание присоединиться к выводу А. И. Ефимова о том, что щедринский «подоплечный словарь»—это те обличительно-сатирические речевые средства, которые формировались за счет лексики и фразеологии просторечного и простонародного характера и которые противопоставлялись Щедриным традиционно-книжным средствам выражения, «клеяменому словарю» либерально-буржуазной публицистики и «консервативно-околодочному языку» реакционеров»⁸⁾

Оживляет и разнобразит речь автора включаемые им в обычную книжную лексику церковно-славянская лексика и фразеология, выполняющие пародийно-сатирическую функцию.

Так, «культурные люди» у Щедрина могут только отдыхать «кийждо под смоковницею своей»; ибо барин ни на что больше не способен, как «человек, возлежавший на лоне крепостного права и питавшийся его благостынями», «столпы» знают тайну, «какo соделывать людей твердыми в бедствиях», «становые и урядники — все это нечто эфемерное, скоропреходящее, на песце построенное», «Прогореловым, как бы они ни вопыали,—повториться в прежних формах не суждено», «Горе той веси, в которой публицисты безнужно и настоятельно вопыют, что семейство—святыня! наверное, над весью этой недолге разразится колоссальнейшее прелюбодейство».

Как видно, Щедрин обозначал церковно-славянизмами далеко не «святые» явления и понятия. Тем самым он расширял границы словоупотребления и снижал подлинное значение церковно-славянских слов и выражений, добивался нужного сатирического результата

Будучи патриотом своей родины, Щедрин разоблачал попытки реакционеров испоганить великое слово «отечество», охраняя его, по утверждению А. И. Ефимова, «от чуждых синонимических сближений и замен».

Для Разуваева отечество — «падаль, брошенная на расклевание ему и прочим кровопийственных дел мастерам»; он смешивает «отечество с начальством»; реакционный публицист «тоже смешивает отечество с государством и правительством». Между тем отечество—это «сердечная боль», «таинственный, но живой организм»; «нет отечества краше собственного отечества, идея отечества одинаково для всех плодотворна».

⁸⁾ А. И. Ефимов Язык сатиры Салтыкова-Щедрина Изд МГУ, М., 1953, стр. 250.

Таково пропагандируемое Щедриным настоящее значение и содержание этого слова

С большим мастерством продемонстрировал писатель свойство отдельных слов и выражений иметь несколько значений

Множество социально-политических значений вложил Щедрин, например, в понятие «добрые щи» По его мнению, обеспечение мужика «добрыми щами» будет означать высокие урожаи, изобилие продуктов, развитие просвещения, укрепление финансов и отсутствие необходимости в «выбиваниях» и экзекуциях, господство трудолюбия, прекращение для мужика жизни подъяремного животного, ликвидацию курных логовищ, правду и милость в судах и т. д. «Вот сколько отличнейших представлений,—воскликает сатирик,—заключает в себе такой простой факт, как общедоступность «добрых щей!»

Сатирически расшифровал писатель слово «начальство», объединив в нем самые разнообразные представления о содержании и функциях бюрократической машины самодержавия

«Представлению о начальстве, —говорится в произведении,—соответствует представление о департаментах, канцеляриях и штабах, о предписаниях, подтверждениях и о тщетных ожиданиях на сии предписания ответов, о маршировках и обмундировках, о наградах, повышениях, увольнениях и перемещениях и, наконец, паки о предписаниях и подтверждениях»

Эзоповско-синонимическими, пародийными в романе являются фамилии действующих лиц—Прогорелов, Разуваев, Колупаев, Осьмушкин, Грацианов, Оглашенный, Косушкин, названия мест—Заманиловка, Соломенное городище, Проплеванные, Погореловки, Ненаедовки, заголовок газеты—«И шило бреет», обозначения реакционных публицистов—«шустрый малый, уроженец ретирадного места», помещиков средней руки — «культурный человек», буржуа—«чумазый»

Решая идейно-художественные задачи, Щедрин прибегает к *словотворчеству* Для создания новых слов он использует главным образом обычную книжную лексику, не нарушая при этом лингвистических законов Об этом свидетельствуют следующие примеры *масса изнеможении, отчаяний, кипения и мелькания* грошовой, в полном *безмятежищи*, местность *веселонравная, двогласие* очевидно, *некуроцап, неякшиание, каждоминутно нахожусь; подкапывания и потрясания, сердцеведение, сердцеvedы, горжение* друг другом, система *вопрошения*, боится своей *неприкрытости*, *ассигнационный* запах, *топительная программа*, абсолютное *бесстолбие*, будем мы вкупе *сомерзавствовать* отдаётся *сводничеством*

Щедрин, как это можно заключить по содержанию произведения, не ставил себе целью вводить в постоянный обиход соз-

данные им слова. Они требовались ему лишь в каждом отдельном случае для сатирического обозначения, высмеивания отрицательных черт персонажей и жизненных фактов, а также для пародий на язык своих политических противников. Так, словами *«подкапывания и потрясания»* он высмеивает «верхи», которые в страхе перед этими явлениями выискивали неблагонамеренных, покушавшихся на «основы» и «краеугольные камни»; для замены слов «тайный сыск», «шпионство» он создал слово «сердцеведение»; система *«вопрошения»* обозначает методы полицейских розысков и т. д.

Уже из анализа словарного состава языка произведения можно сделать предварительный вывод о том, что и художественные средства образительности носят в нем строго определенный характер, отвечающий общей политической направленности *«Убежища Монрепо»*.

Велико разнообразие используемых Щедриным образительных средств. Важнейшую функцию, например, выполняют эпитеты.

Яркими эмоциональными эпитетами характеризуется отношение Щедрина к отечеству. Оно для него — *«нестерпимейшая сердечная боль, непрерывающаяся, гложащая, гнетущая, вконец изводящая человека..., таинственный, но живой организм»*; для него «нет отечества краше собственного отечества».

В лирическом иносказании, содержащем веру сатирика в светлое будущее, эпитеты подчеркивают радость перехода от мрака к свету: переход этот *«волшебный»*, «радость совсем особенная, лучезарная». В эту блаженную минуту... все больное, щемящее упразднилось..., разлилась горячая струя жизни..., отныне жизнь уже пойдет не старую, горькою колеей, а совсем новым, радостным порядком».

Большинство же эпитетов имеет резкую сатирическую окраску. Особенно высокой обличительности эпитетика достигает в характеристиках старых и новых «столпов» и их отношения к «серому человеку».

«Разлакомившееся на барыши воображение» «культурного человека» создало *«эфемерное здание»* успехов в хозяйстве имения. Он думал укрыться от *«подлой тоски»* и предполагал, что его всегда будет охватывать *«бесконечная тишина»*. Бичуя самого себя, «культурный человек» восклицает: «Ничтожный я! Ничтожный! Ничтожный! и спрашивает: «...легко ли с *этаким эпитетом* на свете жить?». В конце концов «культурный человек» «по существу обнаружил только *голую алчность*, а по форме — только *беззаветнейшую невежественность»*.

Буржуа, «чумазый» — «это просто *праздный, невежественный* и притом *ленивейший забулдыга*», «с ног до головы *наглый*, с *цепкими* руками, *несытой* утробой».

Трудящиеся для эксплуататоров — это *«хамово отродье»*,

«серый человек». Они его признают только в «подлом виде». Пользуясь его темнотой, «настоящий барин» устраивает себе развлечение, бросая в толпу *разъяренных баб* гривенники. Наступит момент, когда серый человек «поймет», какой *омерзительный* смысл заключается в этом *паскудном* выражении «на водку».

Выразительны эпитеты, характеризующие людей из лагеря Достоевского. Эти люди стучат «*мертвыми* дланями в *мертвые* перси»; они обладают «*суконным* языком и *зияющими* впадинами вместо глаз»; они снабжены «*вонючим* самолюбием»; «вместе с *бесконечную* злобой соединяют и *бесконечную* алчность»; «Они построят *мертвыми* руками бесчисленные ряды костров и будут *бессмысленными*, пустыми глазами следить за *предсмертными* конвульсиями жертвы...».

Одним из приемов использования Шедриным эпитетов является повторяемость их с целью подчеркивания одних и тех же качеств у различных объектов изображаемого. «Но если они с *адской* злобой соединяют и *адское* бескорыстье и ежели при этом свою *адскую* ограниченность возводят в степень *адского* убеждения—тогда это уже совершенные исчадия сатаны».

Средством сатирических характеристик в произведении служат и сравнения.

Никчемность и бессилие «культурного человека», неспособного ни к какой деятельности и только фальшиво восторгающегося: «Монрепо, потонувшее в сугробах снега,—да это *земной рай!*», приводит к тому, что «*деревня* остается на *положении той помпадуриши*, которая при известии о низложении своего краткосрочного помпадура восклицала: глупушка! нашалил—и уехал». Даже пейзажные зарисовки придают положению в деревне мрачный колорит. На берегу Финского залива, где расположено имение, «осень ужасная, темная, слезливая, завывающая: точно над кладбищем стон стоит».

Устами «культурного человека» в характеристике дореформенного станowego, наряду с полными едкой насмешки эпитетами («Это было существо вполне *жалкое*, в *потертом* вицмундире с *дрожащими* сзади фалдочками»), даются и сравнения: «Куроцап» обладал «*физиономией*, замасленной, как *блин*», а дополнением к нему была «*становиха*, сухая, как щепка».

Здесь эпитеты и сравнения использованы как средства, подчеркивающие отрицательные качества внешнего облика «куроцапа», его портрета, по которому отчасти можно судить и о внутренней сущности представителей «становой системы».

Употребление Шедриным слов и выражений в переносном значении (тропов) является обычным для его эзоповской манеры. Язык произведения во многом метафоричен и особенно в тех

случаях, когда у писателя появляется необходимость законспирировать свои намерения и в то же время с наибольшей художественной точностью сатирически обозначить изображаемое, вскрыть его социально-психологическую сущность, дабы имелась возможность читать между строчками.

В авторской речи мы находим иносказания, посвященные характеристике новой тактики реакции, пропагандирующей незыблемость устоев самодержавия и прибегающей к организации негласного наблюдения за неблагонадежными как к одному из средств выискивания «крамольников».

В предшествующий новой тактике период, говорится в «Убежище Монрепо», было, конечно, не лучше, но тогда «не упоминалось ни об *основах*, ни о *краеугольных камнях*», не могло быть речи ни о *подкапываниях*, ни о *потрясениях*. Поэтому «достаточно было и *куроцапов*, чтобы удовлетворять всем потребностям *благоустройства и благочиния... куроцапы* не суетились, не *нюхали*, но просто *взимали дани*, а в прочее время пили без просыпу». Теперь этого оказалось недостаточным, и для того, чтобы отличить благонадежного от неблагонадежного, потребовалось сердцеведение, а «явился запрос на *сердцеведение*, явились и *«сердцеведы»*. Становым, пришедшим на смену куроцапам, *«новые мундиры пошили*, и с тех пор будто бы они *приняли в свое заведование основы и краеугольные камни*. И еще говорят, будто они, «яко боги», получили *дар читать в сердцах человеческих* и что вследствие сего, ежели прочтут в чьем сердце обращенное к ним слово «куроцап», то *сейчас же сделают соответствующее распоряжение*».

Критику земство и институт мировых посредников, Щедрин устами Прогорелова метафорически изображает их деятельность: «Я ни курить фимиам, ни *показывать кукиш в кармане... одинаково неспособен*».

Таким образом, писатель облакал в метафорические формы наиболее опасные (в смысле цензурных гонений) для произведения явления и факты действительности, одновременно достигая этим приемом наибольшей художественной выпуклости изображаемого.

Острой сатиричностью отличается употребление Щедриным тропов и в связи с другими вопросами и проблемами, но уже в ином плане.

В помещичьем имении происходил «тот кропотливый процесс, при помощи которого *созидается так называемая полная чаша*. Ночью около полной чаши похаживал сторож... «Устроение полной чаши» сопровождала «страшная масса усилий».

«Культурному человеку» надо не земледелием заниматься, т. к. при его неумении это пустая трата средств, а использовать имение как дачу «со всеми удобствами, которые легко могут

быть созданы на деньги, *предназначенные для отходной ямы*».

Бюрократизм аппарата царской администрации нашел свое выражение в «армии чиновников, которые с утра до вечера скребут перьями, *посылают в пространство* всякого рода отношения и донесения».

«...*Киньте куда-нибудь в угол или на хоры горсть шутов-публицистов, умиленно поющих гимны собственности, семейственности и государственности!*». В этих словах Щедрин излил свое презрение к продажным писакам, реакционной печати в целом.

«Кабак—это что-то *вроде установления*,—говорит Щедрин, разоблачая политику «верхов», насаждающих кабаки.

«В короткий срок эта *праздношатающаяся тля* успела опутать все наши палестины»,—так обозначает писатель деревенских мироедов и в подтверждение рассказывает историю Егорки Груздева, который съездил в город, узнал, *«где раки зимуют*, и открыл кабак».

В данном случае щедринские метафорические выражения открыто изобличают помещичью «полную чашу», созданную усилиями тружеников, сближают понятия траты средств на земледелие при неумении хозяйствовать с предназначением их для отходной ямы, формулируют сущность бюрократической машины самодержавия и отношение автора к публицистам из охранительного лагеря, с уничтожающим сарказмом говорят о кабаках и деревенских мироедах.

Синтаксис языка произведения содержит все без исключения конструкции, типичные для обычного книжно-беллетристического языкового строя.

Строй языка «Убежища Монрепо» имеет и те свои особенности, которые обусловлены многопроблемностью произведения, его общественно-политической насыщенностью, разнообразием эзоповских средств.

Обращает на себя внимание разговорный характер языкового строя. Не говоря уже о том, что повествование ведется двумя рассказчиками, почти половина текста произведения—диалоги. Речь рассказчиков и действующих лиц отличается обилием вопросительных и восклицательных интонаций. Все это придает синтаксическим формам живость, выразительность, публицистическую остроту.

В авторской речи Щедрин как бы беседует с читателем, стремится привлечь его внимание к изображаемым лицам, событиям, хочет уточнить, разъяснить свои мысли и намерения. Достигает он этого при помощи значительного количества слов и словосочетаний вводного, пояснительного характера, которые указывают на последующие дополнения смысла сказанного, подводят итоги предшествующих мыслей и дают возможность сделать определенные выводы.

Но более важную роль в этом отношении в речи автора играют вопросительные и восклицательные конструкции риторического характера и целые большие абзацы, в которых предложения начинаются с повторяющейся группы или отдельных слов (анафора). Так, критикуя «культурного человека» за отсутствие у него сельскохозяйственных знаний и желания постоянно жить в деревне, Щедрин пишет: «*Стоит ли* при такой постановке дела гнаться за каким-нибудь двугривенным, которого, вдобавок, еще и не поймашь? *Стоит ли* ради этого двугривенного испытывать волнения и разочарования, которые, повторяю, никогда не кончатся, а только видоизменяются, переходят в новые формы волнений и разочарований?».

Несколько ранее автор ставит еще более ярко выраженные риторические вопросы, сам же дает им оценку и отвечает: «Зачем ведро? зачем дождь?—вот те, несомненно, глупые вопросы, которые с утра до вечера раздаются в тех из помещичьих гнезд, где еще не созрело убеждение, что надо все оставить, бросить. Вопросы эти тем глупее, что культурному человеку заранее известно, что они наверно останутся без ответа...».

Риторические вопросы и восклицания предназначались Щедриным для того, чтобы заинтересовать читателя содержанием такой синтаксической конструкции и тем самым заставить его хорошенько вдуматься в мысли автора.

Наиболее показательным случаем использования анафоры является то место произведения, где Щедрин говорит о результатах, которые могли бы быть, если обеспечить мужика добрыми щами. В двух больших абзацах повествуется:

«*Если это есть* — значит, у мужика земля приносит плод сторицею. *Если это есть*—значит, страна кипит млеком и медом и везде чувствуется благорастворение воздухов и изобилие плодов земных. *Если это есть*—значит, деревня в изобилии снабжена школами, и мужик воистину познал, что учение—свет, а неученье—тьма. *Если это есть*—значит, казна государева ломится под тяжестью серебра и злата и нет надобности ни в «выбиваниях», ни в экзекуциях для пополнения казенных сборов. *Если это есть*—значит, в массах господствует трудолюбие, любовь к законности, потребность тихого жития, значит, массы действительно повинуются не только за страх, но и за совесть. *Если это есть*—значит, за границу везутся заправские избытки, а не то, что приходится сбывать во что бы то ни стало, вследствие горькой нужды: вынь да полфжъ.

Если это есть—значит, у мужика есть досуг, значит, он ведет не прекратительную жизнь подъяремного животного, а здоровое существование разумного существа, значит, он плодится и множится. *Если это есть* — значит, курное логовище уступило место подлинному жилищу, согласованному с человеческими

потребностями. *Если это есть*—значит, правда и милость существуют в судах, значит, нечего и судить, так что адвокаты щелкают зубами, а судьи являются в места служения лишь для получения присвоенного им содержания. *Если это есть*—значит, государственная казна не расточается, а государственное имущество охраняется и процветает. *Если это есть* — значит, рубль равен рублю...».

Повторяющиеся места предложений, по мысли автора, должны служить как бы отправными пунктами, заставляющими читателя глубже вникать в содержание изложенного.

Таковы некоторые данные о речи автора, свидетельствующие не только о богатстве и разнообразии словесных средств писателя, но и о социально-политической направленности, сатирически-обличительной тенденциозности словоупотребления, обусловившей революционно-демократический пафос произведения в целом.

Так же богата и разнообразна речевая характеристика действующих лиц, использованная Щедриным как важнейшее средство типизации.

Сатирик доказал, что «культурный человек» не способен не только к хозяйственной, но и к просветительной деятельности в деревне, ибо ему совершенно чужды интересы народных масс, у него нет ничего общего с ними. «Атмосфера, которою они («культурные люди» — С. С.) дышат,—говорит Щедрин,—совсем не та, которою дышит деревня; язык, которым они говорят, не тот, которым говорит деревня; мысли, которые они мыслят, не те, которые мыслит деревня».

Слова Щедрина о языке «культурного человека» безусловно можно распространить и на язык других персонажей, являющийся тоже не тем, которым говорит деревня. Именно поэтому Щедрин высмеивает этот «не тот язык», имея, конечно, в виду далекие от общенародного языка жаргоны и казенные речевые стили эксплуататорских классов и их прихвостней.

Пародией на пустословие дворянской либеральной интеллигенции являются многие места речевой характеристики «культурного человека», мечущегося в страхе перед станovým. Покажем это на примерах внутреннего монолога прогоревшего барина, его объяснения с «батюшкой» и разговора с Грациановым.

«А еще больше думается,—саморазоблачается «культурный человек»,—(и, сознаюсь, не без сладостного трепета думается), что когда-нибудь купец Разуваев, выведенный из терпения задиранием моего носа, вдруг вынет из кармана куш и скажет: получай и уйди с глаз долой! Господи! Вот кабы... Как бы, однакож, Разуваеву при этом невзначай не нагрубить—ведь он, каналья, самолюбив; он потребует, чтоб я коленце перед ним выкинул, а я за это ему в шею! Нет, уж так и быть вытерплю! Все вытерплю, даже коленце выкину, лишь бы... и тогда, заполучив куш,

уйду, уйду навсегда! Поселюсь в городе, запишусь членом в клуб и буду каждый вечер забавляться в табельку по четверти копейки за пункт».

Рассуждая сам с собою, «культурный человек» не выбирает выражений, а пользуется конгломератом различных речевых стилей. Он думает лишь о том, чтобы «как-нибудь да вывернуть-ся» из предполагаемого столкновения со станowym.

Но вот, «культурный человек» объясняет свои «заблуждения» «батюшке», и на этот раз Щедрин пародирует слова «филантропия», «проповедь», «свобода», которые в устах барина превратились в поучение о том, как пить водку. «Когда объявили свободу вино, я опять не утерпел и за *филантропию* принялся,— кается барин.— *Проповедовал*, что с вином следует обходиться умненько; сначала в день одну рюмку выпивать, потом две рюмки, потом стакан, до тех пор, пока долговременный опыт не покажет, что пьяному море по колена. В то время кабатчики очень на меня за эту *проповедь* роптали».

Наконец, в разговоре с Грациановым речь «культурного человека», изливающего верноподданнические чувства, представляет собой пародию на выпренный административно-чиновничий казенный жаргон, заимствованный у станowego. «Вы прекрасно очертили теоретическую сущность современной становой системы,— говорит он Грацианову.— Откровенное отношение к начальству; быстрое, точное и притом однообразное выполнение предписаний; разъяснение недоумений, возбуждаемых выражениями вроде: «по точному одного разумению», стремление к расширению свободы мероприятий— это картина, несомненно, грандиозная, достойная кисти великого художника. Тем не менее, это все-таки только идеаль или, лучше сказать, светочи, освещающие становой путь».

Под стать характеру «культурного человека» и его речевая синонимика.

Владелец Монрепо рассуждает: «Грацианов подозревает, что если я *«ничего не делаю»*, то это значит, что я *фрондирую*: или в переводе на русский язык: *фордыбачу, артачусь, фыркаю, хорохорюсь, петушусь, кажусь кукиш в кармане* (вот какое богатство синонимов!)». Синонимы слова «фрондирую» ярко выражают кажущуюся оппозицию «культурного человека» по отношению к властям.

В речевой характеристике «культурного человека» Щедрин прибегает и к изобразительным средствам, в частности, к сравнениям.

Шум бегущей воды и полуразрушенная беседка навевают владельцу Монрепо, ожидающему приезда станowego, унылые размышления: «Жизнь человеческая ... подобна этой воде. Сейчас мы видим ее заключенною в бассейне, а через момент она уже устремляется в пространство... Куда?».

Растерявшемуся «культурному человеку» «современность... представляется не иначе, как в виде ящика с двойным дном», и он никак не может найти в этой жизни своего настоящего места.

Сравнивая «культурного человека» с руинами, Щедрин придает этому сравнению обобщающий смысл, характеризует положение прогоревших помещиков, вытесняемых буржуа. «Разве такие руины, как я,—говорит барин,—не считаются тысячами, десятками тысяч? руины, жалобно вымирающие по своим углам? руины, питающиеся крупницами, остающимися от трапезы мироедов?».

Сравнивая себя с руинами, владелец Монрепо задает риторические вопросы, не ожидая, конечно, на них ответа, ибо они уже включают в себя констатацию того, что происходило в реальной жизни.

Как бы заключая речевую характеристику владельца Монрепо, не успокоившегося и после сближения с Грациановым, Щедрин зло высмеивает эпитетику и синтаксис внутреннего монолога этого хлюпика и, индивидуализировав тем самым образ, выносит прогоревшим помещикам окончательный приговор: «Ничтожный я! ничтожный! ничтожный! Ваше благородие! господин Грацианов! как вы полагаете, легко ли с таким эпитетом на свете жить?»

«Ничтожный»—это подлежащее. А сказуемое—фюить! Связки—не полагается. Ведь вот он, мой синтаксис-то, каков! А ваше благородие еще почивать не изволите! Изволите говорить: зараза! Ах-ах-ах!».

Щедрин подчеркнул, что язык, которым говорит «культурный человек», непонятен деревне. И действительно, в нем трудно найти что-либо определенное в стилевом отношении. Но смесь речевых стилей всесторонне определяет социально-психологическую сущность характера персонажа и его положения разорившегося помещика, человека без принципов и идеалов. Отсутствие собственного «я» и вынуждает владельца Монрепо каяться «батюшке», лебезить перед «чумазыми» и становым и, фрондируя только в мыслях, придти к неутешительному выводу о своем ничтожестве.

Речь Разуваева дается лишь в главе «Finis Монрепо», и состоит она всего из полутора десятков фраз. Но гениальность Щедрина в том и заключается, что он сумел в этих фразах выразить положительно все, что было сказано в произведении о Разуваеве в авторской речи и в речи действующих лиц, и тем самым создать тип большой обобщающей силы.

Язык Разуваева глубоко индивидуализирует его как представителя нарождающейся буржуазии, который выбился из «подлого вида» и теперь сам, опутав всю округу, выжимает у мужиков последние копейки. Не считаясь ни с кем, он идет к наживе

и верит лишь в силу туго набитого бумажника. Вот содержание первого диалога между «культурным человеком» и Разуваевым, заявившимся к нему покупать имение и нимало не сомневающимся в осуществлении своих замыслов.

— Ну, барин, по рукам!—воскликнул он, по-видимому, не питая ни малейшего сомнения, что именно эти самые слова ему сказать надлежит.

— По какому случаю?

— Да так уж, хлопай! В накладе не будешь! Хорошее слово услышишь!

— Покуда что услышу, а до тех пор лучше было бы, кабы вы бесцеремонность-то посократили.

Разуваев взглянул на меня, слегка подбоченился и грустно покачал головой.

— Ах, барин вы, барин! Погляжу я на вас, на бар, все-то вы артачитесь!

И затем, вынув из кармана большой и туго набитый бумажник, присовокупил:

— Вот!

Беседуя с «культурным человеком» вторично, Разуваев говорит барину, вспоминая свое житье у Отлетаевых, что и «теперича завсегда» помнит, что он «ихний раб состоял». В финансовых делах он маленько «мерёкает», но «от бога еще не удостоен настоящим манером произойти», т. к. есть «ходоки» по этой части «прожженные».

Фразеология Разуваева как в первой, так и во второй беседе с баринком являет собой образец купеческо-кулацкого жаргона («по рукам», «в накладе не будешь», «все-то вы артачитесь», «ходоки» и др.), вульгаризированного просторечия, укоренившегося тогда в словарном обиходе деревенских буржуа.

Но главное в его речи заключается в той части диалога, где Разуваев изложил свои взгляды на народ. «Культурный человек» спросил его: «...Торгуете?»

— И нынче дела нельзя похулить,—отвечал Разуваев,—надо правду сказать. Народ нынче очень уж оплошал, так, значит, только случай опускать не следует.

— Частенько-таки я в последнее время такие слова слышу, но, признаюсь, удивляюсь,—говорит снова собеседник.—По-моему, ежели народ оплошал, да еще вы случаев упускать не будете—ведь этак он, чего доброго, и вовсе оплошает. Откуда вы тогда барыши-то свои выбирать надеетесь?

— Ах, вашескородие, — убежденно восклицает Разуваев, — йён доста-а-нит!».

В этом классическом ответе заключена величайшая мудрость Щедрина, сумевшего одной фразой эксплуататора обозначить исторически сложившиеся классовые взаимоотношения между угнетателями и угнетенными. Эксплуататоры плюют на будущее,

хотя и видят, что народ оплошал. Они придумывали и придумывают новые способы грабежа, создадут новые методы обездоливания, привыкнув к народному долготерпению, к тому, что он «доставал», «достаёт» и, как они надеются, будет «доставать».

«Йён доста-а-нит!» «Просто, глупо и между тем изумительно глубоко,—расшифровывает Щедрин устами «культурного человека» свирепый разуваевский девиз. — Эту фразу следовало бы золотыми буквами начертать на всех пантеонах, в сущности, на ней одной издревле все экономисты и финансисты висят». Обобрать до нитки, выжать последние соки, довести до нищеты, психического отупения и физического вымирания—такова страшная участь, которую готовят разуваевы «оплошавшим» народным массам. Но этим людоедская мораль господствующих классов не исчерпывается. И Щедрин приводит разуваевскую интерпретацию легенды о курице, несшей золотые яйца. «Йён доста-а-нит!»— это значит: «Распори курице брюхо, выпотроши, свари, съешь, и пускай она продолжает нести золотые яйца по-прежнему. И она будет нестись—в этом порукою Разуваев».

Если образ Разуваева индивидуализирован и типизирован грубым просторечием в сочетании с жаргонными словечками кулака-миroeда, то подлинно крестьянская речь, типичная для героев Некрасова, звучит в устах старика-крестьянина Лукьяныча.

«И ежели теперича лето с приметами сойдетя,—говорит он барину,—так, кажется, конца-краю урожаю не будет. Увидите сами, коли ежели я не правду говорю. Такая-то зима у меня на памятях всего раз случалась, когда мне еще пятнадцать лет было. И что в ту пору хлеба нажали, что сена накосили—страсть!.. Захочет бог—полны сусеки хлеба насыплем, не захочет—ни пера земля не родит! Это что говорить!.. Распоряжениев насчет завтрашнего дня не будет?».

Речь Лукьяныча была свойственна всей крестьянской массе, психологию которой Щедрин прекрасно знал и мастерски воплотил ее в образном, идущем из народных глубин языке персонажа.

Образ сельского «батюшки» создан Щедриным только средствами его речи, которая дана в двух главах («Тревоги и радости в Монрепо» и «Finis Монрепо»), в беседах с «культурным человеком».

Речь «батюшки» своеобразна, т. к. официально — он только священнослужитель. Во то же время он не стоит в стороне от мирских дел и, больше того, играет в них активную роль, являясь членом компании кабатчиков и станового. К «культурному человеку» он относится несколько свысока, понимая, что его песенка спета, однако не оставляет его своими попечениями. В довершение всего «батюшка» близок к политике и выполняет дела шпионского характера, о чем недвусмысленно сказано в авторских

репликах. Все это находит свое отражение и в речи «батюшки».

«Батюшка» и «матушка» радуются приезду станового, отличающегося от прежнего «куроцапа» и образом мыслей, и тем, что у него *«и мундирчик, и кепе, и бельецо»* как у драгунского офицера. Особенно «батюшку» устраивает, что новый становой является *«сердцеведом и будет брать на заметку и тех «у кого написано: не похваляется», и тех, «у кого в сердце видится только благое поспешение»*. «Батюшка» признает *«доброкачественными» «филантропии»* «культурного человека», но не рекомендует ему упоминать слова «свобода»: оно до Сибири доведет; не трогать кабатчиков, потому что *«кабатчик по нынешнему времени есть столп»*; отказаться даже от слова «филантропия», а вместо него говорить *«благое, с дозволения начальства, поспешение»*.

«Батюшка» предъявляет «культурному человеку» обвинение в бесхозяйственности, причем делает из этого политические выводы. Мельница у барина — *«полезное заведение»*, но выгоду она будет приносить, *«ежели к рукам»*. Он считает, что барин мог бы муку, овощи, ягоды *«на сторону продавать — коли с разуменьем»*, и активнее искать покупателей. *«Толцыте и отверзется»*, — говорит он. С полным знанием дела «батюшка» критикует «культурного человека» за то, что у него *«кислица вместо тимOFFеевки родится»*, а кормов не хватает... *«картофелью прошлой осенью нарыли достаточно, а между прочим борюу половину свиным скормили. Свины же, по неимению борова, плода не принесли»*. Лес, по мнению «батюшки», расхищается, *«куры не несутся, коровы молока не дают, поля не родят»*. От этого, говорит он, *«и для правительства прямой ущерб»*.

Все эти обвинения в речи «батюшки» принимают почти угрожающий характер, т. к. он имеет в виду склонить барина к продаже имения Разуваеву, что, по его мнению, *«пастырю даже в обязанность вменяется»*.

Большой интерес представляют синонимы слов «свобода» и «филантропия», которые Шедрин с сатирической целью включает в речь «батюшки», боящегося даже самого невинного их употребления.

Напомним, что «культурный человек» в своей исповеди «батюшке» и становому несколько раз упомянул слова «свобода» и «филантропия» в различных значениях, причем Шедрин придал его пониманию этих слов уничтожающе-сатирический смысл. Больше всего «культурного человека» беспокоило, что если *«истинная свобода»* не будет ограничена уплатой оброков и выкупных платежей, то она *«перейдет в анархию, а анархия — в военную экзекуцию»*. *«Когда объявили свободу вину, — добавляет кающийся барин, — я опять не утерпел и за филантропию принял»*.

Однако «батюшка» не принимает «свободы» и в таком поня-

тии. «Только вот «свобода»..., — сомневается «батюшка». — Небольшое это слово, а разговору из-за него много бывает. *Свобода!* гм... что такое *свобода?*! То-то вот и есть ...

Какая свобода, и что оною достигается? В какой мере и на какой конец? Во благовремении или не во благовремении? Откуда и куда? Вот сколько вопросов предстоит разрешить! Начни-ка их разрешать,—пожалуй, и в Сибири места не найдется! А ежели бы вы в то время вместо «свободы»-то просто сказали: *улучшение*, мол, *быта*,—и дело было бы понятное, да и вы бы на замечание не попали».

«Батюшка» идет дальше и рекомендует «культурному человеку» воздержаться и от слова «*филантропия*», заменив его выражением «благое, с дозволения начальства, поспешение».

Речь «батюшки» по своему словарному составу ничем особенным не отличается от обычного книжного «светского» языка. И это оправдывается тем, что «батюшка» в произведении показан больше в «светской», чем в духовной роли. В этом смысле образ «батюшки» индивидуализируется только верноподданническим содержанием речевой характеристики. В то же время Щедрин, выделяя главное, типичное в образе, вводит в «светскую» речь «батюшки» церковную фразеологию, которой тот пользуется все с теми же «мирскими» целями.

Намекая на то, что «культурный человек» будто бы не обладает настоящей благонадежностью, он в ответ на его вопрос—«чем потчевать?»,—говорит (был пост): «*И из мирян благочестивые — и те ни вина, ни еляя не дерзают*». «*Толцыте и отверзается*»,—внушает он барину, доказывая возможность реализации усадебной продукции. Причину плохой постановки хозяйства в усадьбе «культурного человека» «батюшка» видит в гневе божием, обрушившемся на беззаботного помещика, и он поучает его: «...Без бога нельзя. *Прогневлять* его не следует — вот что главнее всего. А затем и самому необходимо заботу прилагать дабы бог на наши благополезные труды благосердным оком взирал. Вот тогда родится не кислица, а тимофеева трава». Но все же «батюшка» не выдержал своей роли до конца и был вынужден открыть секрет своих наставлений. В диалоге с ним барин говорит:

— Вон я, намеднись, в газетах читал: такой же батя, как и вы, опасение выражал, дабы хорошие семена не были хищными птицами позобаны. Хоть я и не приравниваю себя к «добрым семенам»—где уж!—а сдается, будто вы с Разуваевым сзобать меня собрались.

— *Что вы! Христос с вами!*—смягчился «батюшка»,—я ведь для вашей же пользы! Вижу, что ни в чем *благоспешения нет*, думаю, кому же, как не *пастырю*, о сем *предстательствовать!*

— Нет, вы лучше прямо скажите: Разуваев вас ко мне подослал?

«Батюшка»,—повествует рассказчик,—слегка крикнул и уж совсем было сконфузился, но сейчас же, впрочем, оправился»:

— А хоть бы и Разуваев? Отчего же бы и от него *препоручения* не принять, ежели из того обоюдная польза произойти должна? В *сих* случаях *пастырю* даже в обязанность вменяется...

Следовательно, цель всех разговоров «батюшки» с «культурным человеком» была одна: выполнить поручение Разуваева, пожелавшего завладеть именем, к чему «батюшка» и стремился под маской пастыря, и что нашло отражение в его языке.

Так, пользуясь речевыми особенностями «батюшки», Щедрин создал типичного приспешника властей и туго набитой мощны, лицемерно и небескорыстно прикрывающего «божественными» фразами свои вполне мирские дела.

Особенно большое внимание Щедрин уделил речевой характеристике Грацианова.

Грацианов—представитель новой «становой системы». Его психология, как в зеркале, отражает в себе все изгибы самодержавного произвола, его практическая деятельность—это отражение в миниатюре новых акцентов и ориентаций дворянской монархии.

С убийственным сарказмом вскрывает Щедрин в речи Грацианова содержание «новых» правительственных мероприятий. Становой, например, рассказал «культурному человеку» о ежемесячных собраниях станowych, на которых «читаются указы и предписания и обсуждаются меры к быстрейшему точному и единообразному их выполнению», а на последнем съезде рассуждалось о том, что могут означать слова закона: «с скоростью и строгостью» и было решено, что это значит: немедленно и не послабляючи». Писатель высмеял польцейскую «синонимiku», наглядно показав, что «новыми» оказались формы произвола при сохранении прежней сущности.

Подобного же рода содержание вкладывает Грацианов и в слово «свобода». Излагая «культурному человеку» программу «новой» «становой системы», будто бы отличающейся от прежней, он патетически восклицает: «Свободы больше! свободы! Чтоб руки не были связаны! Чтоб для мероприятий было больше простору! Воздуху! Воздуху больше!»

«Свободу» становой понимает даже не в смысле «улучшения быта» (как принимал это слово «батюшка»), а как свободу рук в деле преследования и подавления всяких свобододлюбивых поползновений. Грациановская «синонимика» «свободы», сформулированная в фразе «сих вредных членов отсекаль», рисует его намерения. При этом он собирается «отсекать», не ожидая поступков, а читая в сердцах, т. е. шпионя. Грацианов потребовал,

чтобы «культурный человек», правильно толкуя слово «свобода», все же заменил это толкование словом «содействие» и выбросил из головы праздное слово «поднять».

Многозначность слова «поднять» дает Щедрину повод саркастически высмеять отрицательное отношение станowego к возможности вложить в это слово нежелательное для властей политическое содержание. «Культурный человек» каялся становому, что в свое время он утверждал необходимость *«поднять дух обывателей... дабы соделать этот дух способным к восприятию начальных мероприятий, и... чтобы, закалив оный, сообщить ему ту непоколебимость, которая необходима в видах перенесения бедствий»*. Станowego не устраивает слово «поднять» и в таком содержании, и он восклицает: *«Лучше не поднимать! Ни духа, ни вообще... ничего!»* Конечно, намерения ваши не были вполне противозаконны, но, знаете ли, самое слово *«поднять»... поднять всяко можно... понимаете: поднять! Нет, уж, пожалуйста! пускай это праздное слово не омрачает воспоминания о светлых минутах, которые мы провели при первом знакомстве с вами! Выкиньте его из головы!»* (Везде подчеркнуто мною—С. С.).

Индивидуализирует и типизирует образ Грацианова не только полицейская синонимика. В ряде случаев Щедрин с той же целью уснащает речь станowego иносказаниями. Например, в своем выступлении перед урядниками Грацианов говорил: *«Мы бодро пойдем навстречу злоумышлению... и ариаднина нить приведет нас к дверям логовища»*. Здесь подразумевается цепь действий по тайному сыску и расправа с неблагонадежными.

Продолжая речь, Грацианов рассказал урядникам, как он был введен в заблуждение, следуя советам «вредных» книг. «Однажды, когда, прочитав в одном сочинении составленный якобы некоторым городничим «Устав о печении пирогов», я, в подражание оному, написал «Правила о том, в какие дни и с каким маслом надлежит вкушать блины», и в другой раз, когда, прочитав, как один городничий на все представления единообразно отвечал: «не потерплю!» и «разорю!» — я, взяв оного за образец, тоже упразднил словесные изъяснения и заменил оные звукоподражательностью».

Здесь мы имеем дело не с действительными фактами, а с остроумной издевкой Щедрина, во-первых, над тупоумием представителей «становой системы» и, во-вторых, над бюрократическими вывертами, содержащимися в разного рода казенных бумагах. Вместе с тем Щедрин показал, что если Грацианов пошел вслед за героем «Истории одного города» Брудастым, переняв его «разорю» и «не потерплю», то ничего, собственно, преувеличенного в действиях городничего и станowego нет. Наоборот, гротесковость изображения только усиливает жизненность их поведения.

В целом язык станового — это казенный жаргон царской бюрократии, пародия на официальный язык, почерпнутый Грациановым из предписаний и циркуляров и разбавленный специальной терминологией полицейщины. При этом Щедрин создал речевую характеристику Грацианова (в первую очередь имеется в виду его речь, произнесенная урядникам), в значительной части используя подлинные официальные документы, содержание и язык которых и стали в устах Грацианова предметом щедринской пародии.

Надо заметить, что в практике работы Щедрина использование официальных документов для целей их критики, высмеивания, по-видимому, не было единичным явлением. Свидетельством тому может служить его письмо, посланное совместно с Некрасовым члену совета Министерства внутренних дел В. М. Лазаревскому (который был близко знаком с Некрасовым) в марте 1870 года. «Нельзя ли на короткое время, — писали они, — прочитать проект административно-полицейской реформы, если можно, то и с объяснительной запиской. Будьте друг, Василий Матвеевич, достаньте нам эту штуку, если можно!».⁹⁾

В речи станового Грацианова, произнесенной урядникам, Щедрин пародировал значительную часть речи одесского градоначальника Гейнса, которую тот произнес при приеме полицейских чинов 17 октября 1878 года, и «Инструкцию полицейским урядникам», утвержденную 19 июля 1878 года.¹⁰⁾

Использование официальных документов в речи Грацианова углубило характеристику героя. Щедринская пародия оказалась реалистичной не только по отношению к форме, но главное — по отношению к существу документов, указанных выше.

С целью конкретизации работы Щедрина над речью Грацианова сравним ее отдельные отрывки с соответствующими местами речи Гейнса и «Инструкции полицейским урядникам».

⁹⁾ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. 18, ГИХЛ, М., стр. 223.

¹⁰⁾ Речь Гейнса была опубликована в № 211 «Ведомостей Одесского градоначальства» за 1878 год. «Инструкция полицейским урядникам» отпечатана в виде брошюры, хранится в архиве Государственной исторической библиотеки (Москва). Документы эти упоминаются в комментариях к «Убежищу Монрепо». В 1927 году они частично опубликованы в 6-томном собрании сочинений Щедрина.

РЕЧЬ ОДЕССКОГО
ГРАДОНАЧАЛЬ-
НИКА ГЕЙНСА

ИНСТРУКЦИЯ
ПОЛИЦЕЙСКИМ
УРЯДНИКАМ

РЕЧЬ СТАНОВОГО
ГРАЦИАНОВА

«Прежде всего и настоячивее всего я просил бы Вас, господа, постараться усилить уважение, питаемое к вам жителями Одессы, что вы можете достигнуть только одним способом: твердым и настойчивым исполнением своего долга в пределах и рамках, указываемых законом».

Параграф 39. Полицейские урядники вообще должны оказывать содействие старшине в его полицейских распоряжениях, быть с ним в полном согласии и единодушии, избежать всяких недоразумений, могущих ронять в глазах народа власть и значение старшины, помня, что при добром согласии и взаимном уважении может иметь успех общее, порученное им, дело.

«Только взаимное и непрерывное горжение друг другом может облагородить нас в собственных глазах наших; только оно может сообщить соответствующий блеск нашим действиям и распоряжениям. Видя, что мы гордимся друг другом, и обыватели начнут гордиться нами, а со временем, быть может, перенесут эту гордость и на самих себя. Ибо ничто так не возвышает дух обывателей, как вид гордящихся друг другом начальников».

Щедрин высмеял рекомендуемое инструкцией *взаимное уважение* полицейских урядников и старшин, сатирически определив его в речи Грацианова как *взаимное и непрерывное горжение друг другом*. Если по инструкции взаимное уважение должно принести *успех* в порученном полиции деле, то в речи Грацианова содержание этой фразы превращается в злую насмешку над ним: горжение друг другом принесет значительно больше, чем *успех*, оно может сообщить блеск действиям и распоряжениям полицейских чинов. Из речи Гейнса Щедрин пародирует уважение, будто бы питаемое жителями Одессы к полиции, сатирически связывая его с *взаимным уважением* в инструкции. По Гейнсу, полицейские чины должны *усилить уважение* к ним жителей Одессы; у Щедрина в речи Грацианова обыватели должны *начать гордиться начальством*, если увидят в его среде *горжение друг другом*, т. е. дух обывателей может возвыситься при соблюдении этого условия.

«Нарушение законов или приготовление к их нарушению происходит чаще в домах, чем на улице. Потому полиция не может иметь характер, так сказать, исключительно уличный,

Параграф 26. Полицейские урядники обязаны *следить, негласным образом, за неблагонадежными и подозрительными лицами и наблюдать негласно* за поведением лиц, водворенных на

«Чтобы знать все, нет никакой необходимости в вмешательстве каких-либо сверхъестественных или волшебных сил. Достаточно иметь острый слух, воспользуемый не менее ост-

Повседневню полиция зорко следит за жизнью людей, признаваемых вредными. В Северной Америке и Западной Европе, т. е. там, где домашний очаг считается неприкосновенным, полиция знает жизнь горожан, знает их выдающиеся черты и недостатки, отчего она в состоянии предупредить преступления и всегда обладает драгоценным материалом для их раскрытия. Вне этого способа полиция не может действовать как орган, предупреждающий нарушения законов».

местах жительства под надзор полиции.

254. При производстве дознания, полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными беседами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах.

рым зрением, и ничего больше. В Западной Европе давно уже с успехом пользуются этими драгоценными орудиями, а по примеру Европы и в Америке. У нас же, при чрезвычайной простоте устройства наших жилищ, было бы даже непростительно пренебречь теми дарами природы...

С помощью системы вопрошения, а также при посредстве слуха и зрения... а быть может, и обоняния... мы получаем такой богатый запас сведений и материалов, который стоит только надлежащим образом обработать, чтобы перед нами предстала картина современного быта, такая картина, которая заставит содрогнуться начальственные сердца»

В донесении цензурного комитета было правильно указано, что, пародируя речь Гейнса, Шедрин перенес из нее целиком некоторые фразы в речь Грацианова. В частности, Шедрин полностью использовал в речи Грацианова рекомендацию Гейнса шпионить за горожанами, как это делается в Северной Америке и Западной Европе. Одновременно Шедрин с едкой иронией трансформировал в речи Грацианова содержание двух пунктов инструкции, предлагающих полиции негласно следить за неблагонадежными лицами и собирать шпионские материалы посредством розысков и расспросов. В устах Грацианова негласные наблюдения превратились в сатирическую формулировку шпионства при помощи слуха, зрения и даже обоняния, словесные расспросы—в систему вопрошения. Слова Гейнса о необходимости иметь в полиции материалы, предупреждающие крамолу, превратились у Грацианова в сведения и материалы, которые при соответствующей обработке заставят «содрогнуться начальственные сердца».

«Делайте только то, что предписывается законом; делайте настойчиво и постоянно, и у людей, которым приходится иметь дело с полицией, будет много причин опасаться нас, так как их прошлое должно быть вам известно, почему они всегда безропотно исполняют ваши приказания. **Сохраняйте хладнокровие при исполнении ваших многотрудных обязанностей,** и ваши слова получат цену в глазах каждого».

«И заметьте, господа, никто не в праве уклоняться от ответов на ваши вопросы, ибо факт уклонения уже сам по себе составляет неповиновение властям. Но, кроме того, он означает и косвенное признание не вполне чистых намерений уклоняющегося. **Невинный человек отвечает немедленно, не ожидая подзатыльника;** отвечает быстро, порыvisto, отчетливо, твердо, звонко. **Напротив того, человек, за которым водятся грешки, даже и по получении подзатыльника, путается, отвечает уклончиво, неохотно, а иногда с дерзостью говорит: не твое дело.** Таковых надлежит, без потери времени, взяв на карандаш, представлять по начальству для исследования».

В речи Гейнса содержится поучение, как надо обращаться с людьми, беспрекословно исполняющими приказания полиции, которой известно их прошлое на основании шпионских данных. В речи Грацианова это поучение облечено в более ясную форму: сарказм Щедрина вскрывает истинную подоплеку мысли Гейнса. По Грацианову, *никто* не должен уклоняться от ответов на вопросы полицейских чинов, а факт уклонения должен быть расценен как «неповиновение властям» и как наличие у уклоняющихся «не вполне чистых намерений». В речи Грацианова раскрыт подлинный смысл туманных фраз Гейнса о том, что полицейские чинов, исполняя свои обязанности, должны сохранять хладнокровие и соблюдать законы. В действительности же, *соблюдение законов* выражается в избивании («подзатыльниках») допрашиваемых «крамольников» и в случаях малейшего протеста с их стороны—в арестах и представлении их «по начальству для исследования».

«По букве и духу закона, полиция обязана предупреждать и останавливать незаконные действия, направленные к нарушению прав лица, общества и государства. Потому чины полиции никоим образом и ни под каким видом не имеют права пропускать без внимания самое ничтожное нарушение законов, установленных правил и приказаний начальства. На эту сторону ваших обязанностей я обращаю особое внимание».

Параграф 5. Полицейские урядники обязаны в участках, им вверенных, охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, законных властей и общественного порядка, равно к подрыву в обществе доброй нравственности и против собственности. В сих видах урядники наблюдают:

а) чтобы не распространялись вообще среди народа, на фабриках, заводах, в питейных заведениях и т. п. злонамеренные суждения и слухи;

б) чтобы не были распространяемы посылками, рассылками, раздачей, подбрасывания или каким-либо иным способом листки, книги, картины и т. п. издания преступного содержания;

в) не допускалось сходбищ и собраний для совещания и действия, противных тишине и спокойствию.

«Третья наша обязанность заключается в наблюдении за целостью и неприкосновенностью наших краугольных камней. Вы знаете, о чем я говорю. Многие утверждают, что камни сии суть лишь недавнее изобретение становых приставов, но ведь для нас важно не то, когда и кем что изобретено, а то, что изобретенное получило надлежащий ход, и что, следовательно, сила его для всех обязательна. Вы знаете эти камни, господа. Вы сами обладаете собственностью, сами имеете семью, вы чтите начальство, ходите в храм божий, так что, если бы вы не были урядниками, то я сказал бы вам: идите, добрые люди, с миром, и бог да подержит вас в ваших похвальных начинаниях».

Особое внимание и в речи Гейнса, и в инструкции полицейским урядникам обращено на необходимость пресекать всякие толки и действия, направленные против правительства, «в нарушение установленных правил и приказаний начальства». Сатирический перевод этих мест речи Гейнса и инструкции в речи Грацианова состоит в рекомендации наблюдать «за целостью и неприкосновенностью наших краугольных камней». В данном случае Щелрин разоблачает реакцию, пытавшуюся свирепыми мерами приостановить борьбу масс, которая раштывала эти краугольные камни, не взирая ни на какие законы, охраняющие их неприкосновенность.

Вряд ли требуются дальнейшие комментарии к сопоставленным отрывкам из речи Грацианова с языком официальных документов, отображающих сущность самодержавной реакции. Одно

можно сказать: подобный прием помог Щедрину создать тип всероссийского станového, привлечь внимание читателей к ведущей, главной стороне политики царизма, какой являлась, если использовать слова цензора Лебедева, «без церемонии шпионство за всеми обывателями».

Таким образом, речь персонажей использована Щедриным как важнейшее средство их индивидуализации и типизации.

Словарный состав языка «Убежища Монрепо» богат и разнообразен. В лексических и фразеологических средствах языка нашла свое отражение проблематика произведения, революционно-демократические позиции писателя и огромная сатирическая сила разоблачения и отрицания. В соответствии с разрешаемыми идейно-художественными задачами Щедрин использует, наряду с общепринятой книжно-беллетристической лексикой, и другие специфические лексические и фразеологические группы (слова и выражения научно-терминологические, просторечные и народные, церковно-славянские, административно-канцелярские, торгово-купеческие). Кроме того, Щедрин широко использует синонимы и многозначность слова, создает новые слова, подбирает специальные, в патетическом плане, слова и выражения для обозначения своего отношения к родине и угнетенным массам, в острых пародиях разоблачает жаргоны враждебных народу социальных групп.

Писатель обогатил язык произведения многообразными способами художественной изобразительности. Многоцветная эпитетика, яркие сравнения, метафоры и метонимии, различные синтаксические фигуры и эзоповские приемы — весь этот арсенал художественных средств составляет важную особенность языка «Убежища Монрепо».

Все это дает основание утверждать, что язык произведения глубоко типичен как по богатству словаря и средств художественной изобразительности, так и по его общественно-политической функции, обусловленной стремлением сатирика всесторонне осмыслить в авторской речи и в речи героев социальные процессы русской жизни в 70-х годах прошлого века.

Мастерство Щедрина чрезвычайно многогранно, поэтому вряд ли можно утверждать, что анализ художественных особенностей «Убежища Монрепо» сделан с исчерпывающей полнотой. Но и произведенная попытка свидетельствует об огромном мастерстве Щедрина как художника-новатора, внесшего неограниченный вклад в сокровищницу великой русской литературы.

Богатые и многообразные средства типизации, сочный, яркий и образный язык обеспечили предельную типичность созданных образов, ситуаций и сатирическую, общественно-политическую направленность «Убежища Монрепо». Щедрин не воплощал в произведении жизнь как натуралист, а брал из нее только характерное, типическое, соответствующее самой сущности социальных явлений. Вот почему в произведении глубоко типичны не только художественные образы людей, но типичны и эзоповские приемы изображения, и композиция, и жанр произведения.

«Убежище Монрепо» — сатирический социально-политический роман. И это определение полностью соответствует тому своеобразию, которое внесли в роман творческие принципы Щедрина.

Высокий политический накал «Убежища Монрепо», страстная обличительная сила, понижающая все его содержание, являются свидетельством революционно-демократических позиций сатирика, гениально обобщившего свои наблюдения над жизнью пореформенной России, предсказавшего неминуемую гибель эксплуататоров и светлую жизнь для народа.